

**Музеи в украинском национальном движении второй
половины XIX — начала XX в.**

Музеи, основными функциями которых являются документирование и сохранение культурно-исторических и естественнонаучных ценностей, а также воспитание широких слоев населения, играют значительную роль в жизни общества. Музей, согласно современному представлению, является исторически обусловленным многофункциональным институтом социальной памяти. [7, с. 395].

Каково же место музейных учреждений в формировании нации? Как отметил Оскар Наварро, «презентация музеями наследия народа оказывается частью процесса создания нации. В этом смысле они удовлетворяют потребности нации в определении ее политической позиции и ее образа, они могут оказывать политическое, экономическое и психологическое влияние на людей. Они могут становиться инструментами социального, экономического, культурного и политического развития нации или региона» [8, с. 5]. Действительно, музеи, как в прошлом, так и теперь, безусловно, оказывают влияние на формирование наций, являясь частью национальных проектов.

Целью данной статьи является определение круга вопросов, связанных с ролью музеев имперского периода в процессе формирования современной украинской нации.

На территории современной Украины первые музейные учреждения возникают в начале XIX в. Во второй половине XIX – начале XX вв. в украинских землях Российской империи уже действовала широкая музейная сеть, в которую входили музеи высших учебных заведений, научных обществ, публичные городские и земские музеи. В это время музейные учреждения работали практически во всех губернских центрах (в Киеве, Харькове, Чернигове, Одессе одновременно действовало несколько крупных музеев), а также и в некоторых уездных городах (Конотопе, Глухове, Волчанске

и др.). На протяжении указанного периода украинские музеи сосредоточили в своих фондах огромные коллекции. Крупнейшие археологические коллекции и собрания, освещавшие историю Украины, имели Музей древностей Киевского университета, Киевский городской музей и Музей украинских древностей В. В. Тарновского. Богатые этнографические коллекции принадлежали харьковскому и киевскому городским музеям, этнографическому музею Харьковского историко-филологического общества и т. д.

Музейные учреждения изучаемого периода работали в условиях развертывания украинского национального движения, а также имперской политики, направленной на формирование «большой русской нации» (по А. И. Миллеру) и, в связи с этим, препятствующей деятельности украинских патриотов (украинофилов). Украинская интеллигенция, как научная, так и творческая, общественно-политические деятели, меценаты, то есть именно деятели украинского национального движения, часто принимали активное участие в создании и дальнейшей работе музеев. Среди них были: Владимир Антонович, Дмитрий Багалея, Николай Беяшевский, Борис Гринченко, Вадим Модзалевский, Николай Сумцов, Василий Тарновский (младший) и др.

В «долгом XIX столетии» происходят процессы формирования современных наций, в том числе украинской, которая в указанный период была лишена собственной государственности и входила в состав Российской и Австрийской (Австро-Венгерской) империй. По определению известного американского исследователя Романа Шпорлюка, в XIX в. украинская интеллигенция стремится сформировать новое представление общества о себе — «украинский проект» (в противовес конкурирующим с ним «российскому» и «польскому» проектам) [10].

Центральное место в формировании украинской нации занимала именно история, ведь религия, элементы народной культуры были либо тождественными, либо очень близкими к российским. В XIX в. представители украинского национального движения формируют новую «мифологию». Возникает необходимость противопоставлять Россию (метрополию) и Украину (провинцию). Это было возможно только через доказательство существования

собственной непрерывной истории [4, с. 30]. Учитывая это, украинское национальное движение активно использовало культурно-образовательные учреждения, в том числе музеи, архивы и библиотеки. В то же время, они могли стать полезными имперской власти в реализации «российского проекта», в котором украинцы и белорусы, вместе с русскими составляли единую «великорусскую нацию» [6].

Украинское национальное движение, которое по определению Мирослава Гроха, относится к малым народам Центрально-Восточной Европы, прошло три фазы развития — фольклорно-этнографическую или фазу пробуждения, фазу агитации и фазу массового движения [9, с. 125]. Именно во второй фазе, в ходе которой украинская интеллигенция при помощи агитации стремилась «разбудить» как можно больше сторонников реализации их плана по созданию нации, возникают первые национальные культурные институты, в том числе музеи. Эти учреждения по явному, либо скрытому, замыслу их основателей должны были стать национальными. Приведем примеры музеев, которые с полной уверенностью можно назвать украинскими национальными — это Киевский художественно-промышленный и научный музей, а также Музей украинских древностей имени В. В. Тарновского Черниговского губернского земства.

Как отмечает украинский исследователь Вадим Аристов, деятельность украинофилов во второй половине XIX в., которая часто представляется как противостояние имперскому режиму и его администрации, скорее не исключала одновременное отстаивание украинских интересов и лояльности к государству. Украинские патриоты использовали службу и сотрудничество с государственными учреждениями для продвижения украинского проекта [1, с. 22]. Примером такого сотрудничества можно назвать создание и деятельность в Киеве общедоступного городского музея. Деятельность киевского музея, по нашему мнению, показывает, каким образом музей может использоваться национальной интеллигенцией в формировании нации в условиях отсутствия национального государства и определенного давления со стороны имперской власти.

Киевский художественно-промышленный и научный музей был основан в 1899 г., хотя идея создания общедоступного музея в Киеве обсуждалась значительно раньше, с 1880-х гг. Этот музей стал ведущим в украинских землях Российской империи, как в научном, так и в просветительском плане. Популярность музея из года в год возрастала. Крупнейшие отделы музея — археологический и этнографический — состояли в основном из местного, украинского, материала. В 1906 г. здесь проходила I-я Южнорусская кустарная выставка, на которой был представлен этнографический материал со всей Украины. Выставка стала настоящим праздником украинской культуры. Большинство ее экспонатов остались в собственности музея, поставило его на один уровень с ведущими музеями России [5, с. 68]. Важнейшим событием стала выставка, посвященная пятидесятилетию со дня смерти Тараса Шевченко (1911 г.). На Шевченковской выставке были представлены 36 оригинальных рисунков и 13 офортов художника из частных собраний. Проведение выставки стало значительным толчком в деле популяризации его художественного наследия. Был опубликован каталог «Выставки артистических произведений Тараса Шевченко» на украинском и русском языках, что для государственного учреждения, которым был музей, представляло собой нечто неслыханное [3, с. 124].

Можно сказать, что за фасадом имперского музея буквально «скрывался» украинский национальный, который вполне мог служить формированию именно украинской идентичности. Имея официальное название «Киевский художественно-промышленный и научный музей имени государя императора Николая Александровича», учреждение, благодаря деятельности его сотрудников и директора музея Н. Беляшевского, носило в первую очередь национальный, а не имперский характер.

Еще одним значимым украинским музейным собранием изучаемого периода Музей украинских древностей, открытый в 1902 г. при Черниговском губернском земстве. Его создание стало возможным благодаря инициативе известного коллекционера и мецената Василия Тарновского, владельца огромной коллекции соответствующей направленности, собранной в течение второй половины XIX в. Решив перед смертью передать свою коллекцию обществен-

ности, Василий Тарновский определенное время колебался, оставить ли ее в Киеве (где в то время возводилось здание для городского музея), или передать Черниговскому губернскому земству. Негативные выступления некоторых гласных Киевской городской думы относительности важности для Киева собрания определили выбор мецената в пользу Чернигова. Как писал в 1920-х гг. Федор Эрнст, ведущим кругам киевских меценатов и любителей старины не хватало тогда настоящего понимания и интереса к наследию именно украинского. Только этим можно объяснить отсутствие реакции на потерю в Киеве такой коллекции [3, с. 123]. Интересно, что и в Чернигове часть гласных губернского собрания, не отрицая ценности коллекции Тарновского, также сопротивлялась принятию коллекции городом, поскольку, мол, содержание такого заведения не является обязанностью земства, а расходование больших средств на музей приведет к запустению важных дел. Известный украинский филолог Борис Гринченко, который был в то время секретарем Черниговской губернской земской управы, так охарактеризовал позицию гласных: «Безразличен был этим господам народ. Не имея национального самоуважения, хотели они быть большими русскими, чем сами русские и протестовали украинцы против украинского музея» [2, с. 121].

Музей Тарновского создавался как чисто украинский, национальный по характеру. Его основатель, как свидетельствовали современники, считал его не своей частной собственностью, а общественным достоянием [22, с. 290]. В фондах музея, который имел в начале XX в. официальное название Музей украинских древностей В. В. Тарновского Черниговского губернского земства (что само по себе прямо противоречило имперской политике), были археологические находки «доисторического» и «великокняжеского» периодов, собрание казацких древностей, уникальная коллекция, посвященная Тарасу Шевченко.

В контексте определения места музеев в формировании нации также возникает ряд дополнительных вопросов. Например, пыталась ли имперская власть каким-то образом повлиять на развитие музейного дела в Украине, проконтролировать украинофильскую деятельность в них? С одной стороны целенаправленной государ-

ственной политики по отношению к провинциальным музеям в Российской империи не было. Деятельность музейных учреждений не регулировалась единым специальным государственным органом, здесь не было музейного законодательства, не было единого источника финансирования, музеи находились в ведении различных организаций. С другой стороны, изредка наблюдались попытки централизовать и контролировать процесс создания музейных учреждений.

Интересным и весьма важным вопросом, требующим более глубоких исследований, основанных на широкой источниковой базе, является вопрос о том, каким образом широкие слои населения воспринимали информацию, полученную из экспозиций и комментариев музейных работников. Выяснение этого аспекта позволит четче определить место украинских музеев в национальном движении.

Таким образом, музейные учреждения играют большую роль в процессе формирования современных наций. В украинских землях Российской империи музеи использовались представителями украинского национального движения, в условиях отсутствия собственного государства, как важный элемент реализации «украинского проекта». Предложенная проблема, по нашему мнению, имеет большой исследовательский потенциал и является актуальной. В дальнейшем, углубить представление о стратегиях украинофилов, а также имперской национальной политике, смогут исследования о месте в национальном строительстве других институтов социальной памяти — архивов и библиотек.

Примечания

1. Арістов В. Українофіли: між державним і «національним» / В. Арістов // http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/naukma/Ist/2010_104/04_aristov_vyu.pdf.
2. [Грінченко Б. Д.] Музей Василя Тарновського / Б. Д. Грінченко // Літературно-науковий вісник. — 1900. — Т. 10. — Кн. V. — С. 108–125.

3. Ернст Ф. Як збиралися малярські твори Шевченка у Всеукраїнському історичному музеї ім. Шевченка / Ф. Ернст // Життя й революція. — 1929. — Кн. 3. — С. 122–130.
4. Екельчик С. Человеческое тело и национальная мифология: некоторые мотивы украинского национального возрождения XIX века / С. Екельчик // Ab Imperio. — 2006. — № 3. — С. 23–54.
5. Скарбниця історичної пам'яті України / Н. Ковтанюк, Г. Шовкопляс // Київська старовина. — 1999. — № 3–4. — С. 63–80.
6. Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка / А. Миллер // <http://polit.ru/article/2005/04/14/miller/>
7. Музей // Российская музейная энциклопедия: В 2 т.: Т. 2. — М. : Прогресс, РИПОЛ-классик, 2001. — С. 395–396.
8. Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии / О. Наварро // Вопросы музеологии. — 2010. — № 2. — С. 3–11.
9. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002. — С. 121–145.
10. Шпорлюк Р. Імперія та нації (з історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусії) / Р. Шпорлюк // <http://izbornyk.org.ua/sporl/sh09.htm>